

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И Г. И. ГАЗДАНОВА

Н. И. Шитакова

Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина

Поступила в редакцию 5 октября 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается реализация основных элементов философии «русская идея» в творческом наследии писателей разных поколений Русского Зарубежья: Александра Солженицына и Гайто Газданова. Исследуется осмысление художниками таких элементов «русской идеи», как обращение к историческому прошлому, патриархальность, семейственность русского народа, исследование роли России в мире и другие. В работе с одной стороны, указаны отличия мировоззрения и текстов авторов, принадлежащих к разным поколениям Русского Зарубежья, с другой, — подчеркивается близость изображения национального характера, осмысления роли русского народа в мировой истории, что позволяет сделать вывод о единстве русского литературного процесса в XX веке.
Ключевые слова: Русское Зарубежье, «русская идея», национальный характер, мессианство.

Abstract: the article discusses the implementation of the main elements of the philosophy “Russian idea” in the creative heritage of writers of different generations of Russian Abroad: Alexander Solzhenitsyn and Gaito Gazdanov. The Russian artists’ comprehension of such elements of the “russian idea” as an appeal to the historical past, Patriarchal, nepotism of the Russian people, the study of the role of Russia in the world and others are investigated. On Russian authors’ worldview and texts belonging to different generations of the russian diaspora are distinguished on the one hand. on the other hand, the author emphasizes the closeness of the image of the national character, the understanding of the role of the russian people in world history, which leads to the conclusion about the unity of the Russian literary process in the XX century.

Keywords: Russian Abroad, “russian idea”, national character, messianism.

В 2018 году весь мир праздновал столетие со дня рождения Александра Исаевича Солженицына, в том же году более узкий круг исследователей и читателей отмечал юбилей (115 лет со дня рождения) другого мигранта, писателя, до настоящего времени так и не получившего широкой известности, — Гайто Ивановича Газданова. Казалось бы невозможным размышлять даже не о сопоставлении, а о противопоставлении двух настолько не похожих художников слова, поскольку критериев для со- и противопоставления между ними, кажется, и нет.

Если творческое наследие Газданова и сейчас не вполне дошло до массового читателя, то Солженицын — фигура несравненно более масштабная: писатель, лауреат Нобелевской премии, чьи произведения во многом сформировали не одно поколение россиян. Судьба Газданова отражает жизнь всего «потерянного поколения»: непризнанность художественного наследия, эмиграция из России в юном возрасте, участие в гражданской войне, опыт работы шофером, мойщиком поездов и т.д. Солженицын — представитель эмиграции так называемой «третьей волны», людей, прошедших сталинские лагеря, Великую Отечественную войну, опыт жизни в СССР.

Стоит отметить, что ситуация эмиграции, являясь «пограничной», осмысливалась, с одной стороны, как величайшая трагедия, с другой, — как возможность возрождения русской и мировой культуры. Именно поэтому культуру Русского Зарубежья в целом отличает проблема национального самосознания, национальной идентичности, сохранения русской культуры, воплотившаяся за рубежом в «русской идее». Однако если для Солженицына обращение к исследованию национального характера всегда было одним из магистральных направлений его творчества (в своей ключевой работе «Как нам обустроить Россию: Посильные соображения» он писал о доминирующей идее своего творчества — идее «сбережения народа» как основе «русской идее в целом» [1, 114], то Газданова всегда больше интересовало поведение личности (вне зависимости от возраста, национальности, культуры) в экзистенциальной, пороговой, ситуации. Г. Газданов, В. Набоков, Б. Поплавский и др. сосредоточили свое внимание на индивидуальности человека вне страны, вне времени, вне социальной проблематики. Тем интереснее и показательнее интерес Газданова к специфике изображения национального характера в документальном романе «На французской земле».

Термин «русская идея» впервые появился в работах Ф. М. Достоевского, а затем получил широкое

распространение в трудах Е. Трубецкого, В. Розанова, В. Соловьева, Вяч. Иванова, С. Франка, Г. Федотова, И. Ильина, Н. Бердяева, Л. Карсавина и других в качестве «интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов и преображения человечества» [2].

Одним из основных идеологов формирования «русской идеи» за рубежом стал И. Ильин. В работах «Белая идея» и «О страдании и унижении русского народа» он следующим образом определил первоочередные задачи, стоящие перед мыслителями Русского Зарубежья: 1) сформировать новый русский национальный характер; 2) «преодолеть раба» русской души; 3) возвращение к истокам национальной культуры; 4) «принять и выговорить свою русскую Идею» [3, 21].

В своей книге «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» другой мыслитель Русского Зарубежья — Н. Бердяев — заявил о существовании собственных национальных, духовно-метафизических интересов России, о необходимости формирования соборности. Характерным качеством бердяевской русской идеи было осмысление русской истории в ее целостности.

Отметим, что в своих текстах Солженицын опирается на основы христианской культуры, особенной ему близка концепция И. Ильина [1]; художественное сознание Газданова во многом было сформировано под влиянием мировой и русской философии в целом и творчества Н. Бердяева и Вл. Соловьева в частности [4].

В 60–80-е гг. в социокультурном поле и эмиграции, и СССР понятие русской идеи вновь актуализируется. Во многом подобное обращение обусловлено влиянием прозы Солженицына. М. Назаров в эссе «Два кредо. Этика и эстетика у Солженицына и Бродского» отмечает: «Солженицын пробуждает духовные силы народа, его самосознание как цельного духовного организма, существующего более тысячелетия, у которого есть определенная цель. Цель эту многие русские умы пытались постигнуть религиозной интуицией — «русскую идею» [5, 188].

В целом можно отметить следующие, инвариантные, элементы «русской идеи»: 1) возвращение к истокам русской культуры, традиционность, патриархальность; 2) внимание к историческому прошлому страны; 3) подчеркнутый характер мессианской роли России в мире; 4) интерес к коллективной, соборной личности; 5) религиозный характер русской культуры.

Проследим реализацию вышеописанных элементов «русской идеи» в творческом наследии Солженицына и Газданова. Материалом для сравнения позиций писателей стали такие разные по жанровой специфике произведения Солженицына, как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»,

«Захар-Калита» и документальная проза Газданова «На французской земле».

В 1945 году Газданов на основе личного опыта во Французском Сопротивлении создает книгу, в центре которой — не просто описание деятельности советских военнопленных, ставших партизанами в оккупированной Франции, но вопросы, связанные с мессианской ролью России, с попыткой вскрыть закономерности исторического процесса. Свою задачу писатель сформулировал в произведении следующим образом: «Мы не знаем, какими законами определяется и направляется существование громадных человеческих масс, которые называются народами или государствами. Мы знаем только, что понятие о народе есть не арифметическая сумма людей, его составляющих, — и, стало быть, совокупность их индивидуальных достоинств, недостатков и особенностей, — а нечто, по природе своей, совершенное другое» [6, 656]. В романе Газданов пытается выяснить, что же делает отдельных людей народом, в чем специфика русского национального характера, в чем отличие русских от советских, эмигрантов от людей, живущих в СССР, и есть ли между ними что-то общее. Автором нивелируется различие героев СССР и Русского Зарубежья, подчеркивая, таким образом, единство русского национального характера. Писатель стремится определить содержательные рамки понятия «родина»: для него это не территория, не идеология, а черты национального самосознания: семейственность, стремление к религии, к дисциплине.

Если Солженицына, особенно в своих ранних произведениях, привлекала судьба маленького человека (Н. В. Ковтун отмечает: «Начиная с ранних текстов в фокусе авторского внимания оказывается не столько сама история, факты, хотя ею Солженицын интересуется неустанно, сколько отдельные судьбы людей, в эту историю вписанные» [1, 118]), то Газданова, напротив, интересует не столько трансформация конкретной человеческой судьбы под гнетом исторических событий, но ход истории как таковой и степень возможности влияния человека на исторический процесс, а персонажи выступают скорее как некие носители определенной идеи.

Порой, создавая того или иного персонажа в романе, Газданов уходит в излишнюю романтизированность, гротескность образов, что, впрочем, не умаляет авторского интереса к исследованию национального характера. Несмотря на вышеуказанные особенности построения архитектоники персонажей, Газданов исследует поведение не легендарных полководцев, а простых, обычных людей, попавших в экстремальную ситуацию: «... человек, одетый в полуарестантскую куртку, худой, как скелет, с темным небритым лицом...» [6, 597]; «... это был невысокий человек, с умышленно невыразительными глазами...» [6, 600]; «Капитан Васильев — небольшой человек с очень добродушным лицом, решительным выражением

глаз и взъерошенными волосами» [6, 633] — таково типичное описание героев Газданова в исследуемом романе.

Солженицын и Газданов к особенностям национального характера причисляли умышленную неприметность внешности, способность к мимикрии. «Было в нем еще нечто особенное, характерное, впрочем, не только для него, но для многих советских людей: быстрая приспособляемость к внешним условиям жизни, к внешним отличиям... Он нигде не мог научиться этому искусству, это был его природный дар» [6, 601]. Солженицын подчеркивает затрапезность одежды Захара, бытовую непритязательность Матрены. «На Смотрителе был расстёгнутый пиджак — долгопольй и охватистый, как бушлат, кой-где и подштопанный, а цвета того самого из присказки — серо-буро-малинового... Брюки офицерские диагональные третьего срока заправлены были в кирзовые сапоги, уже протертые на сгибах голенищ» [7, 557].

Созданные писателями галереи героев ничем не примечательны, однако в экстремальных, пороговых ситуациях они способны защитить не только себя, но и свое отечество. Вот это умение собраться, сконцентрироваться на важном в нужный момент оба художника также относили к важнейшим чертам национального характера. Внешне неприметные, ленивые, смешные — в нужный момент они становятся настоящими воинами, праведниками, на которых держится русская земля. «И в этих головах, в этих движениях трудно не увидеть какие-то отблески юности человечества и, пожалуй, близости к природе. Когда не нужно действовать, этот человек будет лежать с мертвой, непонятной неподвижностью; когда это будет необходимо, он же способен передвигаться с непостижимой быстротой» [6, 634]. Уже в своих ранних произведениях Солженицын создает образ «сокровенного героя, на чьих плечах и стоит Русь: крестьянский праведник (образ Матрены), каторжанин (судьба Ивана Денисовича Шухова) и святой воин, воплотивший сам дух родной земли (образ Захара-Калиты)» [1, 116]. В персонаже Солженицына Захаре-Калите воплощен русский воин, богатырь, как и в героях Газданова. Если Солженицын в изображении Захара движется от иронии к пафосу описания героя, вскрывая, таким образом, истинный облик воина, богатыря, то Газданов с самого начала восхищается своими персонажами.

Газданов и Солженицын акцентируют внимание читателей на таких чертах русского человека, как стремление к аккуратности, чистоте, бережное отношение к еде, своему оружию или орудию труда (зачастую как к святыне), отражающую чистоту духовную, нравственную. Авторами подчеркиваются способность русского человека, оказавшегося в экзистенциальной ситуации, проявить свои лучшие черты: скорость мысли и действия, быстроту реакции, точность движения, как в работе, так и на во-

йне. «По точности и быстроте его движений было легко заметить, что вся его мускульная система представляла из себя идеально послушную машину» [6, 600]. «Тут учитель кончил писать и отдал Книгу Отзывов. Думали мы — Захар Дмитриевич под мышку ее возьмет или в мешок сунет, — нет, не угадали. Он отвел полу своего запашного пиджака, и там, с исподу, у него оказался пришит из мешочной же ткани карман не карман, торба не торба, а вернее всего калита, размером как раз с Книгу Отзывов, так что она входила туда плотненько. И еще при той же калите было стремечко для тупого чернильного карандаша, который он тоже давал посетителям» [7, 558].

Безусловно, персонажи Солженицына — сложнее, многограннее зачастую слишком романтизированных, лубочных образов Газданова. В них синтезированы антиномические, противоречивые черты самого национального характера. Так, образ Матрены моделируется, с одной стороны, в соответствии с агиографическим каноном праведницы (на что указывает и авторская номинация произведения, и описание пространства деревни, центром которого становится избранное место — ее дом, что соотносится с чертами апокрифической картины рая, и отношение Матрены к животным, вполне логично вписывающееся в жанр жития, и раны на теле — стигматы), с другой, — в нем воплощена покорность, терпимость, ограниченность, «забитость» русского человека — то, что, по мнению Солженицына, во многом привело к сносу дома (разрушению универсума) и смерти Матрены, а в ее лице — вырождению патриархальной, «кондовой» России.

Изображение подобного дихотомизма, антиномизма русского национального характера, корнями уходящее в творчество Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, подчеркивается и Солженицыным, и Газдановым.

Художники представляют русский народный характер как единый организм, существование которого обусловлено биологическими и зачастую мистическими предпосылками. Подобную точку зрения мы встречаем у одного из главных идеологов философы «русская идея» — Вл. Соловьева. Он писал: «Если народ не прилагает усилий познать этот Замысел и не следует ему... — народ увядает, не выполнив своего призвания, как растение, не выпустившее генетически заложенного в нем цветка» [3, 38]. Вслед за Ильиным, Бердяевым и Соловьевым писатели видели выход из культурного кризиса в духовном и нравственном обновлении общества.

При подобном подходе для обоих авторов важным является представление о нации как единой семье, и одной из важнейших национальных характеристик в этом ракурсе становится патриархальность, семейственность. И для Шухова, и для героев Газданова отряд, бригада — это патриархальная, четко организованная семья, где доминирует стро-

жайшая дисциплина, бригадир или командир выступает в роли отца, чьи приказы беспрекословно выполняются. «...советский строй... чем-то напоминал семейно-патриархальную систему, стремление к которой так характерно для русской истории вообще... Надо полагать, что это не результат какой-то временной политической целесообразности, что это нечто более постоянное и соответствующее тому очень условному понятию, которое называется национальным духом или особенностью русского народа вообще» [6, 645–646]. «Бригадир в лагере — это все: хороший бригадир жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит» [7, 380]; «Не шумит бригада. У кого есть — покуривают втихомолку. Сгрудились во теми — и на огонь смотрят. Как семья большая. Она и есть семья, бригада» [7, 398].

Одним из доминирующих факторов формирования национальной самоидентичности для писателей стало историческое прошлое. Именно поэтому авторам было важно при изображении национального характера обратиться к истории России и осмыслению истории в литературе.

Близость творческого метода Солженицына и Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова впервые отметили Г. Адамович, В. Ризер, Г. Газданов, Н. Струве [8, 116], истоки историософской концепции Газданова лежат в творчестве его любимого писателя — Льва Толстого [9]. Как и Толстой, Газданов считал, что исход великих событий зависит не от одной личности, а от народной стихийной силы. Эта мысль была близка и Солженицыну.

Газданов подчеркивает стихийность движения русских людей, которая носит отнюдь не хаотический характер, а отличается организованностью, рациональностью, свойственную, по мнению автора, самой природе русского национального характера: «...все это, в сущности, было направлено к тому чтобы стихийное движение советских людей канализировать именно так, как это было нужно и рационально. Если бы у пленных не было этого неукротимого желания борьбы и свободы, которое заставляло их с упрямым героизмом выносить все лишения, выживать там, где бы другие умерли, побеждать там, где другие были бы побеждены...» [6, 599].

Газданов стремился продемонстрировать единство национального характера, подчеркнуть черты, которые помогли победить не только фашизм, но и на протяжении столетий отстаивать свою землю, уничтожать врагов. Реализации подобной задачи способствует как увеличение рамок пространственных (за счет введения в художественное пространство романа разнообразных, и европейских, и советских, топонимов), так и хронологических (что осуществляется обращением автора к разным периодам русской истории и, зачастую, синтеза разных хронологических уровней в одном предложении или абзаце).

Чаще всего Газданов проводит параллели между второй мировой войной и Отечественной войной 1812 года. Это обусловлено несколькими причинами: как историческим сходством (борьба не только на официальном фронте, но и активная партизанская деятельность, стихийность и самоорганизация возникающих партизанских отрядов, единство людей в желании мести, планы Бонопарта и Гитлера, и, наконец, война не только на территории Российской империи или СССР, но и успехи русского войска за границей), так и возможностью обращения к любимому Газдановым творчеству Толстого. Газданов размышляет над ходом истории, стремится проанализировать предшествующий ход событий. Этим же интересом при создании своих произведений (особенно в поздний период своего творчества) руководствовался и Солженицын.

Таким образом, художники акцентируют внимание на естественности действий русского человека в экстремальных ситуациях, обуславливая национальное самосознание несколькими факторами: климатическими, географическими, религиозными. Будучи атеистом, Газданов не мог не отметить религиозность характера русского человека — отсюда, — библейские мотивы и аллюзии в его творчестве, введение христианских мотивов в поздних рассказах; эволюция взглядов художника на значение религии в жизни человека. Солженицын же прямо связывал будущее России с возрождением христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учебник / Н. В. Ковтун. — М.: ФЛИНТА, Наука, 2017. — 600 с.
2. Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. Русская идея // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f088e5aa0b5a32b1bfd>
3. Антоненко Н. В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.): Монография / Н. В. Антоненко. — Мичуринск: Изд-во Мичуринского госагроуниверситета, 2011. — 307 с.
4. Матвеева Ю. В. «Превращение в любимое»: Художественное мышление Гайто Газданова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–99 с.
5. Назаров М. Два кредо. Этика и эстетика у Солженицына и Бродского / М. Назаров // Вестник Русского христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — Москва. — № 154. — С. 175–192.
6. Газданов Г. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Роман. Рассказы. Документальная проза / Гайто Газданов; под общ. ред. Т. Н. Красавченко; состав., подгот. текста, Л. Диевеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. — М.: Эллис Лак, 2009. — 736 с.
7. Солженицын А. Не стоит село без праведника: Повести и рассказы / А. Солженицын. — М.: Кн. палата, 1990. — 574 с.

8. Адамович А. Г. О романе «Раковый корпус» А. Солженицына / А. Г. Адамович, Г. И. Газданов, Н. А. Струве // Вестник Русского христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — Москва. — № 154. — С. 113–128.

*Орловский государственный аграрный университет
им. Н. В. Парахина*

*Шитакова Н. И., кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и русского языков,
педагогика и психологии*

E-mail: tasha_shitakova@mail.ru

9. Шитакова Н. И. Лев Толстой и Гайто Газданов: творческие связи / Н. И. Шитакова Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — №4 (77). — С. 156–158.

*Orel State Agrarian University named after N. Parahin
Shitikova N. I. Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of foreign and Russian languages, pedagogy and
psychology*

E-mail: tasha_shitakova@mail.ru